

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 50-58

DOI: 10.13187/rs.2020.1.50
www.ejournal15.com

The Pride and Joy of the Revolution: Sevastopol Sailors in Rostov-on-Don in 1917

Olga M. Morozova ^{a, *}

^a Don State Technical University, Russian Federation

Abstract

The Black Sea sailors during 1917 were not politically active. The Sevastopol Soviet of the Deputies of the Army, Navy and Workers influenced the position of the crews. The Bolsheviks from Petrograd campaigned, but the sailors did not accept the idea of the class struggle until December 1917. This is due to the return of the detachment A.V. Mokrousov and flotilla of minesweepers from a campaign on the Don which was considered a nest of counter-revolution. Sevastopol sailors gained experience in armed clashes, and became active participants in the class struggle.

Teams of the Sevastopol courts were in Rostov-on-Don for a week. They had an order from their Soviet on neutrality, but they were bound by obligations towards the Rostov Revolutionary Committee who had invited them to the Don. Ships shelled the city. There were victims. This shook the position of the Don Revolutionary Committee, its supporters left the city, the power of the Don Ataman was established. The yacht Kolkhida assigned to the Sevastopol port played a role in the revolutionary events in the Don.

Keywords: Black Sea Fleet; Sevastopol Council of Deputies of the Army, Navy and Workers; Don region; Don Regional Military Revolutionary Committee of United Democracy; dialogue of political forces; fighting November 26 – December 2, 1917 in Rostov-on-Don; ocean yacht Kolkhida.

1. Введение

Исторический процесс воспринимается исследователями как сложное переплетение определяющих характер эпохи событий, чья доминантность не подвергается сомнению; переоцененных и недооцененных фактов, колоритных и запоминающихся казусов. В ряду исторических событий встречаются и такие, которые выбиваются из общепринятой объяснительной модели и выглядят как ошибка повествования. Позиция севастопольских матросов в перипетиях непростых взаимоотношений социальных и политических групп Дона при внимательном чтении документов не выглядит последовательно революционной.

2. Материалы и методы

Основанием для статьи стали документы Музея Черноморского флота в Севастополе, Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, а также отдельные материалы из Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Днепропетровской области и Архива политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики. В основном это

* Corresponding author
 E-mail addresses: olgafrost@gmail.com (O.M. Morozova)

мемуарные тексты, хотя есть и непосредственные документы эпохи. Предметом поиска в них стали крайне обрывочные упоминания об участии моряков Черноморского флота в походе на помощь ростовским рабочим. Стиль воспоминаний, которые составлялись для Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), никогда не отличался исчерпывающей определенностью формулировок, точностью цифр, дат и упоминаемых имен. Они также славилась субъективностью и подчас наивной подтасовкой фактов, из-за чего приобрели репутацию ненадежного источника. По архивам бывших советских республик разбросаны тысячи и десятки тысяч историко-революционных текстов, чье содержание пересекается и взаимно подтверждается. Благодаря этому возможно восстановить события, не получившие освещения в официальных документах и иных синхронных источниках.

3. Обсуждение и результаты

История Гражданской войны во многом является историей рукотворных репутаций. Создание ужасающего образа врага было важной составляющей развернувшейся борьбы. Так появились сначала в слухах, а потом и в поствоенных мемуарах упыри-комиссары, китайцы-палачи, чекистки-кокаинистки, ну и непредсказуемые в своем анархистском порыве матросы-братишки. В ответ были выдвинуты типажи мироеда-буржуя, офицера-золотопогонника, интеллигента как имманентного предателя. А между тем, севастопольские матросы становились революционной массой далеко не сразу и не все.

В течение первых месяцев после Февральской революции войны кают-компаний и кубриков не было. Во многие судовые комитеты входили командиры кораблей. Союз офицеров Черноморского флота имел своих представителей в Севастопольском Совете депутатов армии, флота и рабочих. Сохранению единства команд способствовали продолжающиеся боевые действия мировой войны. Военные корабли до октября 1917 г. продолжали совершать выходы в море, эсминцы выполняли минные постановки и контролирование турецких морских коммуникаций. Хотя таких выходов становилось все меньше, особенно после неудачной постановки мин в устье Босфора в мае, закончившейся гибелью двух военных судов и 15 матросов и офицеров.

Раскол между командой и офицерством еще не стал свершившимся событием, а раскол внутри офицерства уже обозначился. Среди готовых к сотрудничеству офицеров, или, как говорили позже, «подкрасившихся», были командир эсминца «Капитан Сакен» Богданов, капитан 2-го ранга С.К. Милашевич, командир эсминца «Фидониси» старший лейтенант А.К. Мицкевич, командир «Лейтенанта Шестакова» мичман Анненский и его офицеры Крестовоздвиженский и Мельников, командир «Керчи» старший лейтенант В. Кукель (МЧФ. НВ 794. Л. 5). Вице-адмирал А.В. Немитц рекомендовал себя революционером и носил огромный красный бант. Историк А.С. Кручинин связывал эту линию с личной установкой командующего Черноморским флотом А.В. Колчака на широкую военную демократию (Кручинин, 2010: 134).

Среди офицеров были особо уважаемые. Матрос-большевик Н.К. Сапронов с теплотой вспоминал о своем командире Милашевиче: «Сам он был далек от политики, но не отделим от своей команды: куда шла она, туда и он. Большевикам он доверял (в моем лице) и видел в них выразителей народной воли. <...> Храбрость и находчивость Милашевича в боях, его независимость по отношению к высшему царскому начальству и его преданность интересам матросов (зачастую он шел за них против начальства) – заслужили ему любовь и преданность матросов еще при царском строе» (МЧФ. НВ 794. Л. 26-27). Этот отзыв стоит многого, ведь капитан 2-го ранга С.К. Милашевич в Гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте, в 1920 г. с Русской эскадрой ушел в эмиграцию (Крестьянников, 2007: 192).

Нарастанию конфронтационных настроений способствовали контакты с Балтийским флотом. В начале июня в Севастополь прибыла делегация большевизированных моряков Балтийского флота. На митинге они рассказали о «чистке» офицерства на своем флоте, чем вызвали полный восторг у слушателей. Под их влиянием был распущен Союз офицеров Черноморского флота. Поводом послужил донос офицера Богданова о готовящемся заговоре Союза, целью которого было устранение лидеров всех «политуправлений» и роспуск судовых комитетов. Союз вывели из состава совета. Совет принял резолюцию о разоружении офицеров и создал для этого Комиссию 10-ти. Разоружение было проведено 5 июня 1917 г. Именно тогда Колчак бросил за борт свое Георгиевское оружие, а один

офицер «казаческого происхождения» застрелился. Любопытно, что собранное личное офицерское оружие «балтийцы» предлагали раздать матросам: винтовки, хранившиеся в корабельных арсеналах, не могут обеспечить оперативную защиту, посчитала комиссия. Но Севастопольский совет отклонил это предложение. Тогда матросы собрали деньги и отправили делегацию в Тулу, где и закупили револьверы и патроны к ним. Помощь в сборе денег оказывала купеческая дочь курсистка Фёдорова.

Летом на некоторых из черноморских кораблей появились офицеры, переведшиеся с Балтийского флота. На корабле «Керчь» было несколько таких гардемарин, повлиявших на настроения команды, выбрасывавшей за борт агитаторов. На дредноуты посторонние «политиканы» не допускались совершенно.

Среди партий до корниловского мятежа доминировали эсеры. Большевистская организация просуществовала легально только десять дней. Ее организовали те самые моряки-балтийцы. В июле подвергся налету комитет РСДРП в Севастополе. Ячейка ушла в деятельность посредством бесед приглашенных большевиков-агитаторов, черпавших идеи из передаваемых им из Харькова и Донбасса брошюр, с интересующимися матросами.

В это время активизировалась Севастопольская украинская рада, которая агитировала за вступление в армию Центральной рады. Некоторые матросы-украинцы откликнулись на призыв и вступили в Особый украинский сводный полк, но вскоре вернулись на флот: жизнь в казарме им пришлось не по нутру. Они отвечали хохотом на введенные в армии военные команды времен Мазепы.

С сентября 1917 г. большевики легализовались как партия в союзе с левыми эсерами, возникшими в результате раскола с правыми эсерами. В союзе они проводили свои резолюции. Если чисто большевистская резолюция проваливалась, то левоэсеро-большевистская от крестьянского союза проходила легко.

Тогда протекала война ораторов. Генеральным комиссаром Временного правительства на Черноморском флоте был сначала назначен меньшевик Борисов. В Севастополь приезжали видные меньшевики и эсеры Алексинский, Зарудный, Брешко-Брешковская и другие (*Краснознаменный Черноморский флот, 1987: 91–92*). В августе Борисова сменил правый эсер Бунаков, который обладал исключительными ораторскими данными: он мог держать внимание аудитории по пять часов подряд. А лучшие большевистские ораторы – лишь по 15–20 минут. Тем более что Бунаков был участником матросских волнений в 1906 г. Но буквально через неделю из центра приехала Н.И. Островская, знакомая севастопольцам по пропагандистской деятельности в годы Первой мировой войны. Ей удалось успешно противостоять Бунакову, оттянув на большевиков внимание матросской массы.

В середине октября прибыли большевики Н. Пожаров и Ю.П. Гавен. Пожаров был из матросов-балтийцев и слыл хорошим оратором. Но он проявил себя как сторонник мягкой линии и противник острой конфронтации. В отличие от него профессиональный революционер Гавен был последовательным проводником партийной линии. Как один из руководителей 1-го Общечерноморского флотского съезда в Севастополе (6–10 ноября 1917 г.) он повлиял на принятие написанной им резолюции о переходе власти к советам и об отправке отрядов моряков и флотилии кораблей на Дон на борьбу с А.М. Калединым.

Через степи Тавриды на Дон был отправлен 1-й Черноморский революционный отряд во главе с А.В. Мокроусовым, матросом эсминца «Капитан Сакен», записавшимся в партию большевиков одним из первых. Однако отряд до места назначения не дошел, поступив в распоряжение В.А. Антонова-Овсеенко. Он принял участие в бое с петлюровцами под Лозовой 13 декабря. В ходе столкновения было убито 32 члена отряда. Революция повернулась к матросам неожиданной стороной.

В Севастополь они вернулись злые и решительные. После возвращения отряда Мокроусова большевистский комитет собрал совещание, в котором участвовали также представители гарнизона с вопросом о перевыборах исполкома Севастопольского Совета как соглашательского. Председателю исполкома правому эсеру Бакалову была передана резолюция о назначении перевыборов исполкома в 48 часов, иначе «за жизнь личностей руководителей исполкома мы не отвечаем» (*МЧФ. НВ 796. Л. 26–29*).

16 декабря возник временный революционный комитет из 16 человек, председателем был избран Гавен. В январе 1918 г. был организован областной военно-революционный комитет с целью установления советской власти по всему Крыму. При нем был создан штаб,

начальником которого стал капитан 2-го ранга Богданов (тот, кто донес на офицерский союз), который сказал при вступлении в должность: «Имею честь явиться служить революции». 18 декабря 1917 г. Севастопольский Совет переизбрался. Большевики получили 87 мест из 235, их союзники, левые эсеры – 86. Большинство из 50 беспартийных поддержали большевиков. Председателем Совета был избран большевик Н. Пожаров. Были созданы военно-революционные отряды, они «обслуживали» (по выражению одного из мемуаристов) все приморские города. Декабрьско-февральские самосуды над офицерами в массовом сознании увязывались с тем, что те были замешаны в казни очаковцев. Их содержание в тюрьме в ожидании суда рассматривалось как укрытие их от ярости матросской толпы. Важно было придать расправе значение справедливости.

С этого момента севастопольские матросы стали активными проводниками идеи и практики классовой борьбы. В феврале 1918 г. Бердянский Совет, состоявший в основном из левых эсеров, стремясь спасти имеющиеся в городе материальные ценности от захвата наступающей германской армией, начал эвакуацию городских складов. Городские обыватели начали волноваться, опорой для недовольных советом стал местный союз увечных воинов. Для разоружения «инвалидов» совет пригласил матросов из Севастополя во главе с Ляшенко. Они разоружили сотню офицеров, провели на их квартирах обыски. Эффект от этой экспедиции левая эсерка Н.И. Введенская описала в таких выражениях: «И за два дня своего пребывания матросы еще резче провели черту между “нами” и “ими”, еще ярче показали, что мира нет, и надежды на него не может быть». Собираясь покинуть город, матросы пытались забрать с собой арестованных офицеров. Исполнительный комитет возражал, что не позволит устраивать Севастопольскую бухту с офицерским митингом под водой: «Вы их пустите под откос тот час за городом». – «Может быть», – отвечали матросы. Они собирали «вооруженный митинг», буянили и требовали выдачи офицеров. Но членам Совета удалось их убедить, что все преступники должны судиться на месте открытым судом (ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 51, 8).

Донской поход севастопольских кораблей в отличие от действий отряда Мокроусова получил большее историческое освещение. Как следует из содержания воспоминаний С.М. Буденного «Зарождение Красной конной армии» (1926), поход на Дон стал следствием приезда в Севастополь в дни работы Общечерноморского флотского съезда члена Ростовского ревкома И.Д. Ченцова, который был направлен туда за запасными деталями для орудий. Съезд решил не только снабдить Ростов необходимым вооружением, но и послать несколько боевых судов в помощь Ростову (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 151. Л. 21).

Есть и другая версия предыстории похода на Дон. Делегат общефронтового съезда в Киеве и в Новочеркасске в 1918 г. А.З. Дьяков в своих воспоминаниях писал, что в октябре в Новочеркасске было арестовано 160 матросов, ехавших домой. По-видимому, казаки отнеслись к ним как к дезертирам. Обращались с ними плохо «вплоть до физического оскорбления». Но после освобождения вместо того, чтобы следовать дальше к месту жительства, матросы повернули назад в Севастополь и вернулись с подмогой разобраться с обидчиками, а заодно – на помощь ростовскому пролетариату (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 368. Л. 34). Но при отправке Севастопольский Совет не разрешил им участвовать в боевых действиях на территории Дона.

В это время в Ростове находилось на ремонте военное судно «Колхида». Оно было построено по заказу императорской фамилии для морских путешествий. Накануне Первой мировой войны яхта была продана Министерству морских сил Российской империи и базировалась в Севастополе в качестве судна связи при штабе командующего Черноморским флотом, так как она была оборудована мощной радиостанцией. С 1916 г. «Колхида» находилась в порту Ростова-на-Дону для ремонта и переоборудования в минный заградитель.

По словам красногвардейца С. Зубова, в Ростове в течение нескольких дней не получались петроградские газеты. Матросы «Колхиды» предложили организовать связь через имевшееся на судне радио. Из Петрограда было получено известие о свержении Временного правительства. После полученного из Петрограда сообщения о переходе власти к Совету народных комиссаров Ростовская дума на 28 октября назначила чрезвычайное собрание, в котором, помимо членов различных организаций, союзов, комитетов, партий из Новочеркасска, участвовали казачья делегация во главе с помощником войскового атамана

М.П. Богаевским и военные начальники расположенных в области армейских частей. Против власти большевиков высказались от лица Совета офицерских и солдатских депутатов солдат Нудельман, председатели полковых комитетов запасных полков, градоначальник В.Ф. Зеелер, меньшевики председатель городской думы П.С. Петренко, А.С. Локерман и другие. Представитель рабочих сказал, что рабочие организации решения еще не приняли. Тогда председатель городской Думы Б.Н. Васильев с полным основанием резюмировал, что Ростов и весь Дон власть большевиков не признают.

Важно отметить, что ростовский гарнизон, состоящий из запасных полков: 149, 152, 155, 187-го и т.д., находился под влиянием меньшевиков, числившихся в этих полках рядовыми и унтер-офицерами, избранными в полковые комитеты, а затем представлявших солдатскую массу в Совете. Среди них – П.М. Мельситов, Нудельман, Блюмер и другие. Они, как правило, саботировали действия местных большевиков, негативно относясь к работе Красной гвардии.

В это время в помещении варьете «Марс» собрание рабочих представителей разделилось на два лагеря. Один ориентировался на солдат гарнизона – против большевиков, другой выступал за признание власти СНК. Второй был в меньшинстве, во главе его стал Сырцов. Местом заседаний этого революционного комитета и стала «Колхида». Провозгласивший себя органом советской власти комитет принялся издавать распоряжения, чем нервировал городскую управу. Было принято решение явиться на «Колхиду» и арестовать ревком. Но 2 ноября атаман А.М. Каледин издал приказ о введении военного положения в Ростове, Нахичевани, Таганроге и Азове, чем взорвал общественное настроение, решившее, что власть в области захватывают казаки.

За время до 25 ноября ревкому удалось укрепить свое положение в городе и укрепить отряды Красной гвардией, найти поддержку у солдат учебной команды 187-го пехотного запасного полка и образовать орган на антиказацкой платформе. После переговоров с организациями разных политических ориентаций был сформирован Областной военно-революционный комитет объединенной демократии как орган власти в Донской области, противостоявший Войсковому правительству. В состав ревкома вошли следующие представители: от президиума Совета рабочих депутатов – 5 человек, от президиума Совета крестьянских депутатов – 5, от областной пехотной секции – 5, от городских дум Ростова и Нахичевани – по 3, от совета профсоюзов – 1, от президиума фабрично-заводских комитетов – 1, от профессионального союза железнодорожников – 1, от союза телеграфистов – 1, от полковых комитетов – 1, от яхты «Колхида» – 1, от трех партий – по одному от меньшевиков, эсеров и большевиков и представители от других организаций (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 151. Л. 21).

Началось негласное противостояние Ростова и Новочеркасска. В казачьей столице были разоружены ненадежные пехотные части и арестованы зачинщики «анархии». 22 ноября из Новочеркасска были выдвинуты казачьи части для занятия Ростова, но, благодаря посланным агитаторам, казачьи части не пожелали вступить в бой и дальше станции Кизитеринки не пошли.

В ночь на 25 ноября красногвардейские отряды попытались овладеть почтой и телеграфом. 25 ноября из Севастополя прибыла флотилия из пяти тральщиков под руководством «комиссии пяти» во главе с Драчуком (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 520. Л. 1). 26 ноября помощник Войскового правительства Сизякин сообщал экстренной телеграммой в Новочеркасск о ситуации в г. Ростове-на-Дону: «Почта и телеграф окружены солдатами. Внутри пока казачий караул. Телефонное сообщение с Новочеркасском прервано. Солдаты угрожают силой занять почту и телеграф. Пока стоят спокойно. В гостиницах революционным комитетом у офицеров и военных чиновников сегодня утром отобрана масса револьверов. Настроение в городе крайне тревожное. Прошу принять меры к охране телеграфных проводов от Новочеркасска до Ростова, ибо имеются слухи, что революционный комитет попытается прекратить всякое сообщение с Новочеркасском» (ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 19. Л. 142).

Отряд командующего Ростовским военным округом генерала Д.Н. Потоцкого в ночь на 26 ноября планировал совершить налет на помещение «Марса» во время заседания ревкома. Но к моменту появления казаков и офицеров участники собрания разошлись, там оставалось несколько человек – член штаба Красной гвардии слесарь Казберюк, депутат

совета Л. Кунда, член местной федерации анархистов реалист Е. Стрижаков и девушка-телефонистка, которые были убиты.

Но если казаки отказались поддержать офицерское выступление, то красногвардейские отряды были несколько решительнее. С утра приступили к разоружению юнкеров, помещавшихся в Нахичевани в Екатерининской гимназии. По улицам Ростова все время курсировал легковой автомобиль с матросами, вооруженными пулеметами. Красногвардейские отряды осадили железнодорожный вокзал, где располагался отряд Потоцкого. После трех дней периодически возникавшей перестрелки казаки согласились на предложение большевиков выдать всех офицеров и сдать оружие. Генерал Потоцкий был отправлен под арест на «Колхиду», офицеры – в помещение «Марса», а казаки – в бараки 255-го пехотного запасного полка под наблюдение большевика «товарища Власенко».

В установлении контроля над городом принимали участие и матросы с «Колхиды», и прибывшие экипажи. Настроения городских окраин перешло в состояние полного восторга от одержанной окончательной победы. Болтавшиеся в устье пять тральщиков казались надежной защитой. Началось братание на Церковной площади с казаками. Жены рабочих давали казакам хлеб и говорили: идите по домам и больше не выступайте против нас. Те оправдывались, говоря, что, когда их склоняли к участию в наступлении на Ростов, им говорили, что большевики насилуют женщин и режут детей, но этого не увидели и возмущены обманом (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 21. Л. 49).

Но уже 30 ноября и 1 декабря прошли бои под Нахичеванью между наступавшими из Новочеркасска кадетскими добровольческими отрядами под командой полковника Бояринова и красногвардейцами Ростова. В боях 30 ноября большое участие приняли военные суда, прибывшие из Севастополя. Их роль в событиях описал начальник Ростовского гарнизона генерал-майор Д.Н. Чернояров: «Стрельба “чудо-матросов” была замечательная: снаряды уничтожали дома, расположенные вблизи границы Нахичевани, или долетали до окопов, выводя из строя своих же “товарищей”! Помимо разрушенных зданий погибло много невинных жертв – преимущественно беднота, жившая в тех местах» (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 35). Снаряды попали в кварталы Нахичевани. Столь бестолковая стрельба вызвала всеобщее возмущение. Против большевиков и их союзников севастопольских моряков выступили полковые комитеты, почти все партии и городские организации. Как вспоминал рабочий завода «Аксай» М.С. Матвеев: «Настроение было без привычки подавленное, иллюзия погибла, на смену пришли яркие факты начавшейся гражданской войны» (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 747. Л. 3).

На заседании городских представителей большевики С.С. Турло и Шнейтер и член севастопольской «пятерки» отбивались и нападали на своих критиков. Турло громил выступавших ораторов, говоря, что они свой личный, шкурный вопрос ставят выше общего дела, и грозя повесить на первой же березе. Матрос же заявил: «Мы прибыли в Ростов для защиты пролетариата, чтобы проливать кровь “буржуям”, которых жалеть не приходится!» (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 36–37).

Большинство делегатов высказалось за немедленное прекращение военных действий. Под белым флагом переговорщики из «объединенной демократии» отправились на встречу с Калединым. В составе делегации были Васильев, Николаев, член войскового круга Шамшин, гласные от рабочих Филиппов и Заварзин. Их шаг был вызван верой в твердость обещаний о введении в состав круга представителей неказачьего заседания. Переговоры на фоне начавшихся боев были бессмысленными.

Рабочие, оставшись без поддержки солдат запасных полков, после того, как были опрокинуты на окраинах Нахичевани, обратились в бегство. Ревком покинул борт «Колхиды» и скрылся в Батайске, оставив на команду арестованных им Потоцкого и Зеелера. Они были освобождены в результате обмена на 12 матросов, захваченных в городе. Обмен произошел в нескольких верстах от гирла Дона с одного судна на другое. Из экипажа «Колхиды» оставалось лишь 7 человек, так как остальные перешли на севастопольские суда, которые с разрешения назначенного командующим войсками Ростовского округа генерала А.М. Назарова ушли обратно в Севастополь (ГАРО. Р-2599. Оп. 2. Д. 17. Б/л.; ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 956. Л. 3; Д. 929. Л. 3).

А в Ростове приступили к зачистке города. Был введен запрет на собрания и митинги, на заводах производились обыски, администрация предприятий опрашивалась на предмет

благонадежности рабочих, в лазаретах выявлялись раненные в уличных боях красногвардейцы. Известно о расстреле двух рабочих картонажно-коробочного завода А. Гутермана, которые не успели избавиться от винтовок. Но 6 декабря городские власти допустили похороны 60 погибших, которые превратились в массовое шествие. На следующий день воодушевленные этим примером рабочие Главных мастерских Владикавказской железной дороги собрали митинг, но прибывший военный отряд арестовал организаторов и открыл огонь по отказавшимся расходиться рабочим, убив и ранив несколько человек. Арестованных по пути в город расстреляли на Темерницком мосту, якобы за попытку к бегству. В ответ на бессудный расстрел был образован стачечный комитет, который провел однодневную «мертвую» забастовку, о которой жители были оповещены срочно отпечатанными прокламациями. Не подавалась электричество и вода. Но служащие электростанции и водопровода – инженеры и техники – запустили остановленные системы и тем сорвали забастовку.

С одной стороны, войсковое правительство осуществляло меры, раздражавшие широкие массы ростовских рабочих, разместив на территории крупных предприятий вооруженные казачьи части и допуская введенный явочным порядком в пользу добровольческих офицерских отрядов натуральный налог в виде полушубков, сапог, белья и проч. А с другой стороны, в выборных органах широко обсуждался вопрос о создании объединенного правительства. Интересно, что у мечтавших о смычке при этом оставались антипатии. Одни приветствовали единую областную власть, но без комиссаров, другие – ее же, но без Добровольческой армии (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 747. Л. 2–7).

Обоснования причин того, почему судно «Колхида» не спешило покидать гостеприимный порт, найти не удалось. Однако можно обратиться к материалу других регионов, в которых описывалось аналогичное поведение команд судов. Бывший матрос Каспийской флотилии П.М. Казбеков (Пендюрин) в своих мемуарах, ответил на вопрос, почему моряки оказались сначала нейтральными по отношению к Бакинской коммуне, а потом вообще перешли в лагерь контрреволюции, отказавшись уйти в красную Астрахань. Дело в том, что команды сторожевых судов, неся пограничную службу, еще при царе занимались контрабандой и спекуляцией. После Февральской революции это приобрело открытую форму. Они привозили из Персии фрукты, вино, валюту, которая пользовалась спросом в отличие от «керенских» денег. Многие из матросов вызвали в Баку свои семьи и наладили не только промысел, но и быт. Поэтому они отказались покинуть вместе с коммуной Баку и свою золотиносную службу (АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 273. Л. 3–3 об.).

Возможности для контрабанды, пожалуй, у «Колхиды» не было, но за год обустроиться в городе и прикипеть душой к Ростову матросы могли успеть.

В апреле казаки ближних к Новочеркасску станиц подняли восстание против советской власти. Оно развивалось с переменным успехом, и у донских комиссаров были некоторые шансы справиться с восстанием. Но после того, как границу области перешли германские войска, то судьба Донской Советской Республики была решена.

Постоянная стоянка «Колхиды» находилась в Таганрогском заливе, у входа в устье Дона. Во время эвакуации советских учреждений из Ростова 5 мая 1918 г. яхта вошла в Дон и обстреливала мост через реку, чтобы отсечь отступавшие советские эшелоны и бронепоезда от белых. Добровольцам эта стрельба вреда не принесла, но гражданские лица, бежавшие по мосту, попали под огонь. Снаряды летели по всем направлениям, но, главным образом, ложились у трамвайного моста через реку Темерник, гвоздильного завода Н.А. Панина, что в Сычевской балке, и железнодорожной станции, где загорелось несколько вагонов с ружейными патронами и снарядами. К слову, среди отступавших из Ростова отрядов был Черноморский революционный отряд А.В. Мокроусова.

Вместе с донскими советскими работниками к Царицыну отступил и начальник Донской военной флотилии А.И. Иванов. По сообщению казначея ЦИК Донской Советской Республики В.А. Изварина, на руках у Иванова осталось жалование команды «Колхиды», которое он раздать не успел. Но у него каким-то образом оказались и подписанные ведомости, он считал себя вправе пользоваться деньгами и «разводил квас сильнее всех» (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 485. Л. 280–290). В своих испартовских воспоминаниях он назвал колхидовцев контрреволюционерами (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 466. Л. 9), не исключено, что отбиваясь от их обвинений в злоупотреблениях. Но был и очевидный

повод. Яхта «Колхида» не покинула воды низовий Дона, хотя как океанская яхта она могла уйти в порты Азовского и Черного моря, на территорию Кубани, где еще существовала советская власть. Ее команда покинула судно, выведя из строя оборудование и орудия. Часть матросов ушла в Задонье, затем отступала к Кизляру и далее к Астрахани; другие остались в городе и, по слухам, служили при войсковом правительстве. 31 октября 1918 г. приказом П.Н. Краснова судно «Колхида» было переименовано в атаманскую яхту «Пернач» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 22. Л. 146).

4. Заключение

Поведение севастопольцев трудно понять без контекста местных событий. В 1917 г. в Донской области одновременно существовали объединительные и конфронтационные тенденции. Ни одна из сторон не была готова к безусловному компромиссу. Глядя на круговорот коалиций и раздоров здешних сил, гости испытывали явные затруднения в определении собственной позиции. В итоге наиболее естественной оказалась линия поведения «экспедиционного корпуса». Опыт участия в вооруженных столкновениях, полученный отрядом Мокроусова и отправившейся на Дон флотилией, повлиял на настроения севастопольских матросов. Декабрьско-февральские самосуды над морскими офицерами были результатом усвоения наглядных уроков политической борьбы на Украине и на Дону.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ №19-09-00115 «Социально-политический диалог в послефевральской и послеоктябрьской России (1917–1918): тенденции, механизм, региональные особенности».

Литература

АПД УДПАР – Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики.

ГАДО – Государственный архив Днепропетровской области.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Краснознаменный Черноморский флот, 1987 – Краснознаменный Черноморский флот. М.: Воениздат, 1987. 334 с.

Крестьянников, 2007 – Крестьянников В.В. Офицеры Черноморского флота – Георгиевские кавалеры 1-й мировой войны // *Севастополь*. 2007. № 29. С. 176–210.

Кручинин, 2010 – Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. 538 с.

МЧФ – Музей Черноморского флота.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

References

APD UDPAR – Arkhiv politicheskikh dokumentov Upravleniya delami Prezidenta Azerbaidzhanskoi Respubliki [Archive of political documents of the Presidential Administration of the Republic of Azerbaijan].

GADO – Gosudarstvennyi arkhiv Dnepropetrovskoi oblasti [State archive of the Dnepropetrovsk region].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

Krasnoznamennyi Chernomorskii flot, 1987 – Krasnoznamennyi Chernomorskii flot [Red Banner Black sea fleet]. M.: Voenizdat, 1987. 334 p. [in Russian]

Krest'yannikov, 2007 – Krest'yannikov V.V. (2007) Ofitsery Chernomorskogo flota – Georgievskie kavaleriy 1-i mirovoi voiny [Officers of the Black Sea Fleet – holders of the St. George Cross of the 1st World War]. *Sevastopol'*. No. 29. pp. 176-210. [in Russian]

Kruchinin, 2010 – Kruchinin A.S. (2010). Admiral Kolchak: zhizn', podvig, pamyat' [Admiral Kolchak: life, feat, memory]. M.: AST, Astrel', Poligrafizdat, 538 p. [in Russian]

MChF – Muzei Chernomorskogo flota [Museum of the Black Sea Fleet].

TsDNIRO – Tsentр dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for documentation of recent history of the Rostov region].

Краса и гордость революции: севастопольские матросы в Ростове-на-Дону в 1917 г.

Ольга Михайловна Морозова^{а, *}

^а Донской государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Черноморские моряки в течение 1917 г. демонстрировали невысокий уровень политической активности. Эсеро-меньшевистский состав Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих влиял на позицию экипажей. Несмотря на усилия делегированных из центра большевиков, в полной мере внедрить идеи классовой борьбы в сознание севастопольских моряков не удавалось до декабря 1917 г. Радикализация их настроений связана с возвращением отряда А.В. Мокроусова и флотилии минных тральщиков из похода, предпринятого для борьбы с атаманом А.М. Калединым, который имел осенью 1917 г. репутацию крайнего контрреволюционера. Приобретя собственный опыт вооруженных столкновений, севастопольские матросы стали активными проводниками практики классовой борьбы.

Находясь в течение недели в Ростове-на-Дону, команды севастопольских судов оказались в сложном положении. Имея инструкции своего совета о сохранении нейтралитета в местных событиях, они были связаны обязательствами и по отношению к Ростовскому ревкому, по приглашению которого прибыли. Предпринятый ими обстрел города пошатнул позиции Донского ревкома, привел к уходу красногвардейских отрядов и советских учреждений из Ростова и установлению власти войскового атамана. Приписанная к Севастопольскому порту яхта «Колхида», прибыв в Ростов-на-Дону в конце 1916 г., сыграла роль в революционных событиях на Дону.

Ключевые слова: Черноморский флот; Севастопольский совет депутатов армии, флота и рабочих; Донская область; Донской областной военно-революционный комитет объединенной демократии; диалог политических сил; бои 26 ноября – 2 декабря 1917 г. в Ростове-на-Дону; океанская яхта «Колхида».

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: olgafrost@gmail.com (О.М. Морозова)